

Рыжая бестия для герцога.

Алекса Арт

18+

Алекса Арт

Рыжая бестия для герцога.

«Автор»

2026

Арт А.

Рыжая бестия для герцога. / А. Арт — «Автор», 2026

Она мечтала о любви. Судьба подарила ей бордель, долги и XVIII век. Но Юля не из тех, кто плачет в подушку. Она берёт ситуацию в свои руки: наводит порядок в заведении, укрощает строптивых девиц, ставит на место аристократов и превращает «этот ужас» в самый модный салон Лондона. От автора Все события, имена и персонажи, описанные в этом романе, являются вымышленными. Любые совпадения с реальными историческими личностями или событиями случайны. Перед вами — не исторический трактат и не документальная хроника. Это бытовой роман. Просто история для приятного, тёплого чтения. Я знаю: кому-то он может показаться слишком ванильным, слишком сказочным, даже наивным. Но знаете что? Мечтать ведь никто не запрещает. А мне захотелось написать красивую сказку для взрослых. Свою «Золушку» — с историей, в которую хочется верить, с героями, за которых переживаешь, и с финалом, который согревает душу. Я очень надеюсь, что моим читателям эта книга придётся по душе.

© Арт А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Алекса Арт

Рыжая бестия для герцога.

Глава 1

Зима в этом году явно решила устроить человечеству экзамен на выносливость — и, судя по всему, большинство сдавало его с треском. Даже фонари горели с такой ленцой, будто им платили за каждый ватт и они изо всех сил экономили на работодателе. Новый год отгремел, наелся оливье до икоты, выдохся салютами — и тихо уполз в мусорное ведро вместе с обрывками мишуры и огрызками мандаринов. Наступил январь: серый, липкий, такой, что сама мысль о работе вызывала у организма мгновенную аллергическую реакцию. Казалось, эволюция уже выработала у людей генетическую установку: в январе трудиться — это против природы.

Юля вернулась домой, скинула ботинки в прихожей — и тут же поняла: её тело сегодня явно участвует в каком-то тайном заговоре. Причём не на её стороне. Голова гудела, будто внутри поселилась трансформаторная будка, которая к тому же решила провести внеплановый концерт тяжёлого рока. Горло саднило так, словно она весь день орала на нерадивых водителей, а внутри медленно разрастался сухой, колючий жар — будто кто-то потихоньку подбрасывал дровишки в печку прямо у неё внутри. Градусник, прижатый к подмышке, через минуту бесстрастно выдал: 38,7.

— Прекрасно, — прохрипела Юля, и в этом слове смешались ирония, отчаяние и намёк на аплодисменты собственной невезучести. — Просто прекрасно. Как раз то, чего мне не хватало для полного счастья.

Она заварила чай. Подумала — и плеснула туда рома. Подумала ещё — и проглотила сразу три таблетки от температуры. Терпеть эту гадость она не собиралась: если уж болеть, то с комфортом и, по возможности, с хорошим настроением.

Забравшись под одеяло, Юля закуталась в плед, натянула капюшон домашней кофты до самых бровей и превратилась в маленького, колючего, лихорадочного ёжика, который очень хочет, чтобы его никто не трогал. Из-под одеяла торчали только кончик носа да градусник, который она проверяла каждые десять минут с упорством учёного, открывающего новый закон физики. 38,9. Горло теперь напоминало наждачную бумагу — шероховатое, раздражённое, будто кто-то решил провести эксперимент: «А что, если поскрести по горлу наждачкой? Интересно, будет больно?» Ответ был: да, очень.

Часы на стене показывали что-то около одиннадцати. В квартире было тихо — так тихо, что тишина казалась почти осязаемой, густой, как холодный кисель, который никто не хочет есть. И вот в этой липкой, потной полутьме, когда жар подталкивал сознание к краю, а вокруг не было ни души, накатило одиночество. Не внезапное, не новое — оно всегда сидело где-то на задворках, терпеливо ждало своего часа, как кот у закрытой двери: «Я не тороплюсь. Я просто сижу. Но когда ты откроешь — я войду». И сейчас, когда температура подбиралась к опасной черте, а в горле скреблись невидимые кошки, одиночество вылезло из тени, отряхнулось и спокойно уселось на край кровати, будто имело на это полное право.

«Хорошо бы, — подумала Юля, — чтобы кто-то был рядом. Просто рядом. Обнял. Сказал какую-нибудь самую обычную, даже глупую фразу. Погладил по голове и тихо произнёс: Всё будет нормально. Или хотя бы принёс ещё чая. С ромом. Или без. Главное — чтобы не одной».

Она зло усмехнулась собственным мыслям и обратилась к пустой комнате, будто та могла ей ответить:

— Мужиков в мире не осталось. А одного я уже... успешно демобилизовала.

И тут же, как по команде, в голову полезло прошлое. Бывший муж. Вот он вольготно сидит на диване, закинув ноги на журнальный столик, и ничего не делает. А она стирает, готовит, убирает — и даже не ждёт благодарности, просто надеется, что хотя бы чашку чая он сможет себе налить сам. Вот она плачет в ванной, стараясь не шуметь, чтобы он не услышал. А он в это время кому-то пишет: «Спокойной ночи, сладкая».

Он только брал. Всё время. Её время, силы, нервы, деньги, молодость. А взамен оставлял обиды, измены, контроль. «Ты никуда не пойдёшь», «Ты кому там улыбалась?», «Ты без меня никто». И самое страшное — она верила. Долго. Пока однажды...

Даже сейчас, лёжа с температурой, Юля помнила тот день до мельчайших деталей. Она стояла у зеркала, собиралась на работу. Он снова зашёл в комнату — с очередной претензией. Что-то не так помыто, не туда положено, не так сказано. Монотонный, нудный, бесконечный допрос с пристрастием, в котором каждое слово было маленьким гвоздём, вбиваемым в её уверенность.

И в какой-то момент внутри что-то щёлкнуло. Не громко. Тихо. Как выключатель, который просто переключает свет с «включено» на «выключено».

Она взяла сумку. Надела пальто. И вышла за дверь. Всё. Было страшно. Руки била мелкая дрожь, ноги подкашивались, мир казался неустойчивым, как палуба корабля в шторм. Но она шла. Просто шла вперёд, потому что оставаться стало физически невозможно. Пустая. Выдыхаясь. Страх ведь тоже требует сил, а сил не осталось совсем.

Сейчас, глядя в потолок с температурой под тридцать девять, Юля думала: «Ну и что я имею в сухом остатке? Свободу? Да. Квартиру? Да. Кошку? Кошка есть — спит в другой комнате, и ей абсолютно наплевать на мою температуру. Она, наверное, думает: Пусть болеет. Зато не будет меня гонять с дивана. А любви нет. И мужиков нормальных нет. Все козлы. Или придурки. Или козлы-придурки».

Она перевернулась на бок, свернулась калачиком, словно хотела спрятаться даже от самой себя.

— А так хотелось бы, — прошептала она в подушку, и голос прозвучал жалко и тихо. — Принца. На белом коне. Чтобы защитил. Чтобы просто был рядом. Чтобы можно было выдохнуть: «Дальше ты». Хотя бы на пару дней. А потом я сама. Честно.

Температура тем временем подползла к 39,1, а потом двинулась дальше, как упрямый турист, который решил покорить Эверест, даже если его никто не просил. Голова стала тяжёлой, как чугунный шар, мысли путались, рвались, сбивались в бессмысленные клубки, как нитки, которые кто-то нарочно перепутал. Юля снова сунула градусник под мышку.

— Сорок... и один, — прочитала она и на секунду не поверила. — Нет, не может быть. Это какая-то ошибка. Наверное, градусник сломался. Или я.

Моргнула. Цифры не исчезли. Не померещилось. 41,1.

— Ну здравствуй, — прошептала Юля, и смешок вышел хриплым, тут же перешедшим в сухой, надрывный кашель. — А говорили, девушки не горят. Оказывается, горят. Просто медленно.

Сердце стучало где-то далеко, будто не у неё самой, а у кого-то другого, кто случайно оказался в её груди. Сорок один — это уже не шутки. Это когда мозг перестаёт различать границы между «я болею» и «мне конец», когда реальность размывается, как акварельный рисунок под дождём.

Юля закрыла глаза. Вдох — тяжёлый, хриплый, будто через соломинку. Выдох — короткий, сухой, как треск ломающейся ветки.

— Может, ну его, — пробормотала она. — Может, и не надо никого. Сама справлюсь.

Но в этом «сама» было столько усталости, что слово повисло в воздухе, не долетев даже до стены.

Она засыпала. Глубже. Ещё глубже. Температура делала своё дело — уже не медленно, а стремительно вела её куда-то вниз, в чёрную и тёплую пустоту. Сознание трещало по швам, рассыпалось, как старая тряпка, теряло форму и смысл. Ровно в 23:47, когда в соседней квартире всё ещё играла музыка, а за окном начинал падать мелкий колючий снег, дыхание Юли остановилось. Совсем негероично. Без вспышек света, без хора ангелов и труб гласа. Просто устало сердце. Просто перегорела свеча. Сорок один и один — финал. Мир на секунду замер, будто сам не поверил в то, что произошло. А потом — ничего. Абсолютная тишина.

А потом — вспышки. Не резкие, не яркие. Словно кто-то в крошечной тьме щёлкает зажигалкой и тут же гасит пламя. Раз. Другой. Третий.

Глаза не слушались. Веки были тяжёлыми, свинцовыми, непослушными. Юля изо всех сил пыталась приподнять их — получилось лишь на миллиметр. Ещё. Ещё. Сквозь узкую щёлочку пробивалось мутное, тёплое пятно света. Горло всё ещё горело, будто она выпила кипятка и забыла закусить. И тут — удар. Резкий, по щеке.

— Ммм, — попыталась мычать Юля, но голос не слушался, как будто кто-то выкрутил громкость на минимум.

Ещё удар. По другой щеке. Кто-то хлестал её — не больно, но настойчиво, будто пытался выбить душу обратно или, наоборот, загнать её назад в тело.

— Давай же, — услышала она женский голос, чужой, взволнованный, требовательный. — Давай, Юлиана, не смей!

Юля снова дёрнула веками. На этот раз чуть шире. Свет резанул по глазам, заставил их слезиться. Перед ней мелькали размытые силуэты. Несколько фигур склонились так низко, что почти касались её лица волосами. Пощёчина. Снова.

— Да прекрати... — хрипло выдохнула Юля, чувствуя себя героиней абсурдного фильма, где её зачем-то пытаются разбудить методом «жёсткой мотивации».

И наконец открыла глаза.

Над ней склонились женщины. Три? Четыре? Юля не могла сосчитать — голова кружилась, картинка плыла, как старое телевидение с плохой антенной. Лица у них были странные, испуганные: глаза расширены, брови домиком, губы сжаты в тонкую нитку. Одна прижимала руки к груди, будто молилась. Другая замерла с занесённой для пощёчины ладонью — молодая, лет тридцати, с тёмными волосами, уложенными в замысловатую причёску.

— Остановись, — прошептал кто-то сбоку. — Она уже смотрит.

Тёмноволосая опустила руку. Наклонилась ближе. Вглядывалась в лицо Юли так, словно искала там ответы на все вопросы мира. А потом выдохнула, и в этом выдохе было столько облегчения, что оно почти ощущалось как физический поток воздуха.

— Слава богу, — сказала она, и голос её дрожал. — Слава всем богам. Юлиана, ты как нас всех напугала.

Юлиана? Юля нахмурилась. Или попыталась — бровь слушалась плохо, двигалась вяло, как будто была чужой.

— Что... — голос сел, превратился в хриплый шёпот. Пришлось начинать заново, с трудом проталкивая слова через пересохшее, горящее горло. — Что случилось?

Женщины переглянулись. Тёмноволосая взяла Юлю за руку — ладонь была тёплой, чуть влажной, настоящей.

— Ты кушала. Сидела за столом — и вдруг начала давиться. А потом упала. И мы не могли привести тебя в сознание. Почти четверть часа, Юлиана. Четверть часа!

В её голосе звучал настоящий ужас. Юля когда-то видела такое выражение лица у матери, когда та потеряла маленькую Юлю в супермаркете. Та же смесь паники и облегчения, будто мир только что вернулся на место.

Юля попыталась приподняться на локтях, но руки подкашивались, не держали. Пришлось просто повернуть голову и осмотреться. Она лежала на полу. На холодном, тёмном

полу, укрытая... Боже, это что, бархат? Её укрыли расшитым покрывалом, а под голову кто-то вовремя подсунул подушку. Подняв взгляд выше, Юля увидела потолок. Лепнина. Старинная, тяжёлая, с завитушками, ангелочками и гирляндами из каменных цветов. С высоких окон свисали портьеры с кистями. Стены были обшиты тканью с вензелями.

А женщины... Все они были в странных платьях — пышных, длинных, с корсетами, кружевными воротниками и рукавами-фонариками. Ни джинсов, ни худи, ни привычных свитеров. Ничего из того, что Юля привыкла видеть каждый день.

Юля моргнула. Раз. Другой. Картинка не поменялась.

— Мне снится сон, — проговорила она вслух, хрипло и неуверенно. — Я на маскараде. Наверное, до сих пор температура. Сорок один и один кошмар. Или это какой-то очень дорогой, очень странный квест, и сейчас из-за угла выскочит ведущий и скажет: «Поздравляем, вы прошли первый уровень!»

Хотела рассмеяться, но вместо смеха вышел кашель. Женщины снова переглянулись. Тёмноволосая погладила её по плечу.

— Какой маскарад, милая? — голос был мягким, но взволнованным. — Ты дома. У себя дома. Ты упала, ударилась — но теперь всё будет хорошо.

Дома. Юля медленно, очень медленно повернула голову. Осмотрелась ещё раз. Большой зал. Лепнина на потолке. Тяжёлые портьеры. Странные платья на женщинах. Ни одного знакомого лица. Ни одного привычного предмета. Это не её дом. Ничего общего с маленькой квартирой, где на стене висел постер с котом в космосе.

Сердце колотилось всё быстрее, хотя, казалось бы, куда уж быстрее. В висках стучало, перед глазами всё плыло, как в кривом зеркале.

— Ой, — проговорила Юля слабым голосом. — Что-то мне нехорошо.

Голова шла кругом. Стены вращались, как карусель, унося её прочь от реальности. Женщины ахали, хватали её за плечи, пытались удержать, но Юля уже проваливалась в забытие. Тёплая, липкая темнота снова засасывала её, на этот раз — почти с облегчением.

«Хотя бы посплю нормально», — успела подумать она перед тем, как сознание окончательно погасло.

А женщины над ней заматались, снова хлопали по щекам, звали по имени — но Юля уже не слышала.

Глава 2

Юля почувствовала, как сознание медленно, но уверенно возвращается к ней — и первое, что она осознала: о чудо, температуры нет! Исчез тот дурацкий жар, когда одеяло то обжигает, будто его только что достали из печки, то вдруг становится ледяным, как кусок айсберга. Не было и ломоты в костях, и ощущения, что по ней проехался каток, а потом ещё и развернулся для второго захода.

Под спиной чувствовался мягкий матрас, а вокруг — целая гора подушек. Юля даже подумала сквозь полудрёму: «О, я всё-таки доползла до кровати. Молодец, Юля. И даже выпалась... Наверное, это и есть настоящая победа над болезнью — не умереть и ещё и выспаться».

Горло всё ещё саднило, но уже терпимо — как после простуды, когда ты уже идёшь на поправку и даже начинаешь мечтать о нормальной еде, а не о бульоне через трубочку.

Она потянулась, с удовольствием выгибаясь дугой, как кошка, которая наконец нашла идеальное место для сна. Потом свернулась в уютный клубок. Потом снова потянулась — просто потому что могла. «Вот это я понимаю — реабилитация», — мысленно хихикнула Юля.

И только на втором — или, может, третьем — потягивании соизволила открыть глаза. — ...Что.

Потолок был не её. Вообще ни разу. Высокий, с какойто замысловатой лепниной по краям, будто кто-то решил украсить комнату архитектурными излишествами. Стены обтянуты тканью — дорогой, с узором, как в историческом сериале, где бюджет на костюмы явно больше, чем на спецэффекты.

Юля моргнула. Раз. Два. Три. Картинка не поменялась.

— Серьёзно? — прошептала она хрипло, будто сама себе не верила.

Повернула голову к окну. Но окна не было видно — оно было закрыто чемто тяжёлым и плотным. Портьеры? Шторы? Драпировки? В общем, такие тряпки, которые, казалось, весили как хороший зимний пуховик.

Она села на кровати. Комната была в полумраке: свет просачивался только по краям штор тонкими полосками, как лучи надежды в безысходной ситуации. Юля автоматически шарила глазами по стенам в поисках выключателя. Выключателя не было.

— Блин, — проговорила она, обращаясь к тишине, которая, разумеется, не собиралась ей отвечать. — Где кнопка? Ну, знаешь, такая круглая штука, щёлкает — и свет включается. Элементарно, Ватсон!

Тишина, как и ожидалось, промолчала. Юля вздохнула, откинула одеяло — тоже тяжёлое, тёплое, явно не из «Икеи», а из какойто другой вселенной, где мебель делают с намёком на вечность. Опустила ноги на пол.

Пол оказался каменным. И очень холодным. Настолько, что Юля дёрнула ногой, как будто наступила на кусок льда.

— Ай! — воскликнула она. — Зараза...

Под ногами был не ковёр, а чтото поменьше. «Шкура?» — мелькнула паническая мысль. Глаза потихоньку привыкали к темноте. «А, нет, коврик. Маленький, пушистый. Ладно, уже неплохо».

Рядом стояли две пары туфель. Станных, с пряжками. Материал был похож на бархат. Юля, недолго думая, засунула ноги в первую попавшуюся пару. Жмут немного, но сойдёт. «Главное — чтобы не свалились по дороге к разгадке этой тайны», — подумала она.

— Ладно, — скомандовала она себе строгим голосом, каким обычно разговаривают с непослушными электроприборами. — Разберёмся.

Подошла к окну. Шторы оказались тяжеленными, будто их накачали свинцом. Дёрнула — не поддаются. Дёрнула сильнее — сдвинулись на пару сантиметров.

— Да что ж ты... — прорычала Юля и потянула что есть сил.

Шторы разъехали со звуком, похожим на вздох обиженного дракона, который не хочет выпускать наружу дневной свет. В комнату ворвался яркий свет, и Юля прищурилась, заморгала, привыкая. Потом посмотрела в окно. И замерла, как вкопанная.

Это был не её город. И вообще не тот мир, к которому она привыкла. Перед ней была не улица, а широкая мостовая. По ней ходили люди. Женщины в пышных платьях — прямо как в фильмах про королей: юбки огромные, талии осиные, причёски высокие, будто кто-то ставил рекорды по укладке волос. У некоторых над головой были зонтики — но не дождевые, а кружевные, от солнца.

Мужчины рядом — в красивых камзолах. Камзолы, кружевные манжеты, сапоги. Ни джинсов, ни кед, ни даже намёка на спортивный стиль. Но самое смешное — шляпы.

Юля пригляделась. Это были шляпы с перьями. Одно перо, два, целый куст перьев, будто кто-то устроил конкурс «Чья шляпа круче».

— Это что, — прошептала Юля, чувствуя, как реальность потихоньку даёт трещину, — «Три мушкетёра»? Сейчас Боярский выйдет и запоёт: «Пора-пора-порадуемся...»?

И правда: картинка была похожа на кадр из старого фильма. Проехала карета — настоящая, на лошадях, с кучером. Колёса гремели по булыжнику, и этот звук эхом отдавался где-то в голове Юли, словно подчёркивая: «Ты не дома, девочка. Совсем не дома».

Юля стояла у окна с открытым ртом. Первая логичная мысль, которая пришла ей в голову: съёмочная площадка. Сейчас кто-нибудь крикнет «Мотор!» или «Стоп, снято!». Выбегит режиссёр в наушниках, попросит её уйти из кадра, потому что она портит композицию.

Она ждала секунду. Другую. Никто не кричал. Люди ходили, кареты ездили. Мир жил своей жизнью, совершенно не обращая внимания на её замешательство.

Медленно, словно боясь спугнуть реальность, Юля повернулась обратно в комнату. Теперь, когда шторы были раздвинуты, солнечный свет заливал всё помещение, и она наконец увидела, где оказалась. Кровать была огромной, с балдахином. Такие Юля видела только в музеях или по телевизору в очень дорогих отелях для наследников престола.

Стены были обтянуты тканью. Красной. Шторы — тёмнокрасные, тяжёлые, как кровь, если бы кровь была бархатной. Юля смотрела на это красное великолепие и думала: «Господи. Такое чувство, что здесь жил маньяк. Или психопат. Или... ну, просто очень страстный любитель красного цвета, короче».

Становилось неудобно. Она вернулась к кровати, залезла обратно под одеяло, натянула его до подбородка. Подушек было столько, что она в них буквально тонула.

И тут напротив себя она заметила зеркало. Огромное, в деревянной раме, чуть ли не в полстены. Юля посмотрела в него и увидела девушку с длинными рыжими волосами — до плеч и даже ниже. Она смотрела в глаза девушке из зеркала. Лицо вроде похоже на её, но не точно. Моложе. И волосы другие. И ресницы длиннее, будто кто-то специально пририсовал их для красоты.

Юля моргнула. Девушка в зеркале моргнула в ответ.

— ...Это что за хрень? — прошептала Юля, чувствуя, как по спине пробегает холодок, который уже не списать на каменный пол.

Медленно поднесла руку к лицу. Пальцы коснулись щеки. Кожа была гладкая. Чужая. В зеркале девушка с длинными рыжими волосами делала то же самое. Юля смотрела и не могла поверить: на неё смотрела не она. Или не совсем она.

В дверь постучали. От неожиданности Юля подпрыгнула и чуть не свалилась с подушек, вовремя ухватившись за балдахин. Сердце кудато ускакало, будто решило сбежать без неё.

Дверь открылась. В комнату зашла та самая тёмноволосая женщина, которую Юля уже видела тогда — в гостиной, когда теряла сознание. Или это был обморок? Или вообще какой-то сбой матрицы?

Женщина улыбнулась и подошла к кровати, разведя руки в стороны, вся такая радостная, будто Юля только что выиграла какойто важный конкурс.

— Ну наконецто! Слава богу, с тобой всё в порядке. Мы тебя вчера еле дотащили до кровати. Ты потеряла сознание внизу, в гостиной.

Юля хлопала глазами, ничего не понимая. А женщина не замолкала:

— Неужели ты была настолько голодна, что даже не жевала? Как ты могла так подавиться? Ты всех нас напугала, Юлиана!

Она ходила по комнате уверенно, как будто здесь всё принадлежало ей. Достала из шкафа полотенца, потом красивый таз — белый с синими цветочками, эмалированный. Налила воду из кувшина.

Юля сидела на кровати, натянув одеяло до самого носа, и смотрела на эту суету, чувствуя себя героиней абсурдного спектакля, где ей забыли дать сценарий.

«Она говорит со мной. Она знает меня. Ну, знает эту... Юлиану. Ту, чьё тело... чьи волосы... ёлкипалки».

Женщина вдруг остановилась. Обернулась. Села рядом, взяв Юлю за руку, аккуратно, как хрупкую вещь, поднесла её к губам и поцеловала.

Затем посмотрела Юле прямо в глаза.

— Как ты себя чувствуешь, дорогая? Тебе легче сегодня?

У неё были тёплые ладони. И взгляд такой... любящий. Как у мамы, которой Юля давно лишилась.

Юля смотрела на неё и понимала: эта женщина не знает, что внутри Юлианы теперь совсем другой человек. Рыжая фурия, отвыкшая от такой нежности.

«Держись, Юля. Не спали себя в первой же сцене», — мысленно скомандовала она себе.

Она выдавила милую улыбку. Ту самую — «я хорошая девочка, честное слово».

— Всё нормально, — сказала Юля спокойно, хотя горло всё ещё хрипело. — Мне уже лучше.

Женщина выдохнула с облегчением и сжала её руку.

— Слава тебе господи.

Юля улыбнулась. А внутри крутилась одна мысль: «Господи, как же я буду тут врать... И главное — сколько это продлится?»

Женщина, не вставая, потянулась кудато за спину Юли — мимо плеча, мимо подушек.

Юля проследила за её движением. Повернула голову — насколько хватило сил — и увидела: чуть дальше подушек висел толстый шнур с большой кисточкой. На конце — колокольчик.

«Вот это сервис», — пронеслось в её голове. — «Даже звонить не надо. Просто дёрни за верёвочку — и весь дворец прибежит».

Женщина дёрнула за кисточку. Гдето в глубине комнаты тихо звякнул колокольчик. Через мгновение дверь открылась, и в комнату вошла девушка в простом платье, белом переднике, волосы убраны под чепец. Горничная — Юля почти уверена. Девушка сделала реверанс: ножку подогнула, голову склонила.

«О господи. Реверансы. Натуральные реверансы», — пронеслось у Юли в голове.

Женщина повернулась к горничной, и её голос стал твёрже, повелительнее:

— Приготовишь для госпожи Юлианы гогольмоголь, сладкий чай и свежих булочек. Принесёшь сюда, в спальню. Юлиана пока останется в своей комнате — будет приходить в себя, поправляться.

Горничная кивнула.

— И ещё, — женщина подняла указательный палец, как будто собиралась произнести чтото очень важное. — Пошли за доктором Бертом. Скажешь, чтобы пришёл, как можно скорее.

Горничная снова кивнула. Ещё один реверанс. И вышла, тихо прикрыв дверь.

Женщина снова повернулась к Юле. Улыбнулась тепло, поматерински. Наклонилась, поцеловала в щёку. Губы были мягкие, пахло цветами. Затем она встала, поправляя юбку.

— Давай, дорогая, приходи в себя потихоньку. Как только понадобится моя помощь — позови, я приду. Помогу одеться, если нужно. А если меня не будет рядом — вызовешь Марси.

Ещё раз посмотрев на Юлю с улыбкой, она вышла.

Юля осталась одна. Она сидела на огромной кровати под балдахином, в красной комнате, похожей на логово маньяка, с длинными рыжими волосами, которые ей не принадлежали.

— Марси, значит, — пробормотала она, будто пробуя слово на вкус. — И гогольмоголь. Я в каком веке, блин?

Она посмотрела на дверь, которая только что закрылась.

«И кто эта женщина? Мать? Сестра? Свекровь? Чёрт... Надо будет аккуратно выяснить. Не спалиться».

Откинувшись на подушки, она посмотрела на потолок с лепниной.

— Приоритет номер раз, — шепнула Юля, будто заключая договор с самой собой. — Не сойти с ума. Приоритет номер два — понять, где я. Приоритет номер три... Господи, я хочу кофе. Нормальный кофе. И чтобы без перьев на шляпах.

Глава 3

Внезапно — откуда-то из глубины комнаты, то ли из угла, то ли из-за кресла, то ли прямо из воздуха — раздался голос:

— Ну и долго ты будешь лежать?

Юля подскочила на кровати так резко, что подушки взлетели, как при взрыве в рекламе стирального порошка. Сердце застучало где-то в горле, перекрывая все прочие звуки, даже воображаемый саундтрек к её личной драме. Осмотревшись, она никого не увидела — пусто. Шторы не дёргались, тени не шевелились, даже паук в углу делал вид, что он тут ни при чём.

— Кто здесь? — пропищала Юля, и собственный голос показался ей подозрительно тонким, будто она внезапно перешла на октаву выше.

Молчание. Тягучее, многозначительное, такое, какое бывает, когда кто-то очень хочет, чтобы ты сама догадалась.

Потом — лёгкое движение. В ногах кровати матрас чуть прогнулся. Юля посмотрела вниз и увидела: чёрного кота. Настоящего. Усатого. С зелёными глазищами, в которых читалось что-то подозрительно близкое к превосходству. Он сидел на одеяле, хвост трубой, и смотрел на неё с выражением, которого у котов быть не должно. Слишком осмысленным. Будто он не просто кот, а кот с дипломом психолога и стажем в сто человеческих лет.

Кот открыл рот и человеческим голосом — спокойным, даже чуть ленивым, как у лектора, который уже в сотый раз объясняет одну и ту же тему нерадивым студентам, — заговорил:

— Ну я. Я уже давно жду, когда ты придёшь в себя.

Юля не двигалась. Она смотрела на кота. Кот смотрел на неё. В голове у Юли происходило короткое замыкание, за которым следовало полное отключение логики. Сначала она подумала: «У меня температура вернулась». Потом: «Это галлюцинация». Потом: «Я сплю». Потом: «Я умерла и попала в ад, где коты разговаривают — и, судя по тону, ещё и читают нотации».

— Ты... — голос срывался, как интернет в самый ответственный момент. — Ты говоришь.

Кот наклонил голову набок. Так делают все коты мира, когда хотят сказать: «Ты серьёзно? Это всё, на что ты способна?»

— Очевидно.

Юля схватила подушку. Первую, что под руку попала. С испуганно-истеричным криком, как у человека, который внезапно понял, что забыл выключить утюг, а дом уже горит, — запустила её в кота.

Кот, будто всю жизнь только этим и занимался, в последний момент пригнулся с грацией олимпийского чемпиона по уклонениям. Подушка пролетела мимо и с глухим стуком врезалась в тяжёлую ножку балдахина.

Юля тут же схватила вторую подушку и сжала её перед собой, как щит. Сидела, прикрываясь ею, и бормотала:

— Господи, я сошла с ума... Мне мерещится всякая чушь... Я в психушке... Меня сдадут с такими галлюцинациями... Кот говорит, боже...

Из-под кресла — тишина. Потом послышался шорох. Из темноты показался сначала чёрный нос, потом усы, потом зелёные глаза. Кот вылез. Неторопливо, с достоинством, будто не он только что спасался от подушечного обстрела, а просто решил сменить локацию. Подошёл к кровати и изящно запрыгнул обратно, усаживаясь в ногах Юли.

— Не кидай в меня подушки, — проговорил он спокойно, как будто речь шла не о попытке физического устранения, а о какой-нибудь бытовой мелочи вроде «не хлопай дверцей холодильника». — Успокойся.

Юля смотрела на него из-за своего импровизированного щита. Глаза огромные, как у персонажа аниме, который только что узнал главную тайну вселенной. Дыхание частое, неровное.

— Ты кто? — выдавила она. — И почему я тебя слышу?

Кот посмотрел на неё долгим взглядом. Потом медленно, очень по-человечески, моргнул. Устроился поудобнее: передние лапы вытянуты вперёд, задние поджаты. Поза сфинкса, только с усами и хвостом.

— Положи подушку, — сказал он спокойно. — И я всё объясню.

Юля колебалась. Сначала она сжала подушку крепче, но затем чуть ослабила хватку.

— Ты... меня не съешь?

Кот фыркнул. По-кошачьи, но почти обиженно, будто его только что оскорбили до глубины души.

— Я вообще-то кот. Мы не едим людей.

Юля опустила подушку на колени. Она смотрела на чёрного кота, который только что ответил ей человеческим голосом, и пыталась уложить это в своей картине мира. Картина мира сопротивлялась.

«Ладно, — думает она. — В моём мире коты не говорят. Значит, я точно не дома. Либо это очень дорогой квест, либо я действительно где-то не там».

— Хорошо, — сказала она наконец. — Говори. Но если что — у меня есть ещё одна подушка. И, возможно, тапочек.

Кот фыркнул спокойнее, без прежней обиды. Посмотрел на неё своими зелёными глазами так, будто оценивал, сколько ещё времени уйдёт на то, чтобы до неё всё дошло.

— Я твой фамилльяр.

— Фамилльяр?

— Фамилльяр. Талисман. Понимай, как хочешь. Кот, который тебе положен по статусу. Или по судьбе. Или просто по контракту, который ты не читала, но подписала где-то между жизнью и смертью.

Кот чуть прикрыл глаза, будто сам устал от собственных объяснений.

— Ты понимаешь, что с тобой произошло? И как ты здесь оказалась?

Юля окинула взглядом комнату. Потом вновь посмотрела на кота.

— Нет, — честно сказала она. — Не понимаю.

Кот вздохнул. По-кошачьи, но очень устало. Как преподаватель, который в сотый раз объясняет первокурснику, что дважды два — четыре, а тот упорно считает, что пять.

— Ты умерла. И попала в другое тело.

Юля замерла. Мир на секунду перестал вращаться, будто кто-то нажал паузу.

— Как это — умерла? — голос стал тише, почти шёпот. — Я вообще-то... последнее, что я помню, — лежала в кровати, под одеялом, с температурой. Засыпала.

Кот смотрел на неё с чем-то, похожим на сочувствие. Но сочувствие у него получалось такое, будто он сочувствует, но одновременно думает: «Ну сколько можно удивляться? Это же не самое странное, что бывает».

— Сердце не выдержало. Температура поднялась ещё выше. Ты просто уснула. Сердце остановилось.

Тишина повисла в комнате, тяжёлая, как те самые портьеры, которые Юля недавно с таким трудом раздвинула. Она смотрела в стену. На красную ткань. Потом на свои руки — чужие, тонкие, с длинными пальцами. Кожа гладкая, ногти аккуратные, не обломанные, как у неё раньше.

— Значит... — она проговорила медленно, подбирая слова, будто каждое было горячим и могло обжечь. — Если я умерла и попала в это тело... значит, и это тело тоже умерло. Юлиана... тоже умерла?

Кот моргнул. Один раз. Медленно.

— Да. Она подавилась. Прислуга пыталась помочь — не успели. Тело умерло.

— А душа... моя вселилась?

— Можно и так сказать. Это как пересестись из старой машины в новую. Машина та же, водитель тот же, но салон другой.

Юля молчала и переваривала. В голове крутились обрывки мыслей, как бельё в стиральной машине: ничего не разобрать, всё перепутано.

— Значит, получается... — она подняла глаза на кота. — Я теперь Юлиана. А Юля... где? Кот чуть склонил голову набок.

— Юля — это ты. Просто теперь у тебя другая обложка. И немного другой гардероб.

— Но почему я сюда попала? Почему не на небо? Или куда положено?

Кот чуть заметно пожал плечами. Если коты вообще умеют пожимать плечами.

— Хороший вопрос. Но почему именно ты? Сама подумай. Ты ведь не из тех, кто просто сдаётся. Даже когда всё плохо. Даже когда кажется, что выхода нет.

Юля хмурилась и мяла подушку.

— Я не знаю. Почему я?

Кот смотрел на неё долго. Потом сказал спокойно, без пафоса, без громких слов:

— Ну считай... что это твой второй шанс.

— Второй шанс?

— Да. Ты не попала ни в рай, ни в ад, ни в перерождение с чистого листа. Ты осталась собой — со своим характером, памятью, своим... — он чуть склонил голову, будто подбирая слово, которое не обидит, — дерзким языком. Это подарок. Не всем такой выпадает.

Юля молчала и переваривала. Слова оседали где-то внутри, смешивались с недоверием, страхом и крошечной, едва заметной надеждой.

— И... — она подняла глаза, — что я должна делать с этим вторым шансом?

Кот чуть заметно дёрнул ухом, будто услышал что-то раздражающее вдалеке.

— Жить. По-настоящему. Не выживать — жить. Ты заслужила.

Он встал, потянулся — спинка дугой, хвост трубой, — и спрыгнул с кровати.

— А пока — давай чай с булочками. Ты, между прочим, с того раза ещё не ела. А я голодный. И вообще, разговоры на голодный желудок — это вредно для нервной системы. Особенно когда речь идёт о смерти и переселении душ.

Он подошёл к двери, сел на пороге и обернулся через плечо.

— И да. Зови меня Феликс. И не кидай больше подушки. Договорились?

Юля смотрела на чёрного кота, на его невозмутимую морду и не знала — плакать или смеяться. Сначала хотелось плакать: слишком много всего, слишком быстро. Потом накатил смех — нервный, дёрганный, как у человека, который только что проехал на американских горках и ещё не понял, жив он или нет. И она начала смеяться. Тихо, потом громче.

— Феликс, значит, — бормочет она, вытирая выступившие от смеха слёзы. — Ну хоть не Бегемот. А то я бы точно не выдержала второго круга абсурда.

Кот фыркнул, будто оценил шутку, но не собирался показывать, что ему смешно.

— Очень остроумно. Пошли.

И вышел в коридор, оставив Юлю одну.

Она посмотрела ему вслед. Потом перевела взгляд на дверь, на красные стены, на зеркало.

— Второй шанс, говорите, — пробормотала себе под нос, будто пробуя эти слова на вкус.

Она откинула одеяло. Спустила ноги с кровати — и на мгновение замерла, потому что пол был каменный и холодный. Быстро нашла взглядом те самые странные туфельки с пряжками. Засунула в них ноги. Жмут всё ещё немного, но сойдёт. «Главное, чтобы не свалились, когда я буду пытаться не сойти с ума», — подумала Юля.

Подойдя к огромному зеркалу в деревянной раме, остановилась напротив и начала себя разглядывать.

— Ну уж, — произнесла она, чуть прищурившись, — им я воспользуюсь по полной. Знать бы только, в каком я веке... и как тут вообще выживают без кофе и доставки еды.

Она пригляделась к отражению внимательно. С головы до ног, по сантиметрам. На неё смотрела очень милая девушка. Длинные рыжие волосы спадают до талии — густые, тяжёлые. Прямо как у русалки. Или у ведьмы из «Ведьмака», только добрее.

Глаза зелёные, большие. Скулы острые. Рот припухлый — такие в её мире называют «губки бантиком». Носик маленький, заострённый, чуть курносый.

— Миленькая, — резюмировала Юля, и в голосе прозвучало что-то среднее между удивлением и одобрением. — Ничего так... миленькая.

Она отошла на шаг назад, потом ещё на полшага, разглядывая фигуру. Ночная рубашка — тонкое белое полотно, кружева по краям — обтягивает талию. Формы довольно... аппетитные. Среднее телосложение. Не худая, не толстая. В самый раз. Грудь... Юля взяла свою новую грудь в руки, прикидывая на вес, и вздохнула.

— Хоть бы побольше сделали, — пробормотала она, но тут же пожала плечами. — Ну да ладно. И так сойдёт. Лучше, чем ничего.

Затем она повернулась боком. Натянула ночнушку на попу — ткань облегала плотно. Немножко повиляла попой, присматриваясь к отражению.

— Булочки у меня ничего, — одобрительно кивнула. — Булочки — норм.

Она ещё несколько секунд крутилась перед зеркалом — то левым боком, то правым, то волосы перекинет вперёд, то назад. Оценивая. Примеряясь. Вживаясь в новую кожу.

Потом резко развернулась и пошла обратно к кровати. Остановившись у изголовья, она посмотрела на тот самый шнур с кисточкой, за который дёргала тёмноволосая женщина.

— Как там? — пробормотала она, вспоминая сцену с горничной. — «Марси, принесите чаю»? Или тут надо говорить «Эй, дворец, подайте завтрак»?

Протянув руку, схватила за кисточку и дёрнула. Где-то за стеной тихо звякнул колокольчик. Звук был тонкий, мелодичный, будто кто-то где-то легонько тронул струну. Юля постояла секунду, прислушиваясь. Потом хмыкнула.

— Ну вот. Теперь официально: я тут. И я голодная.

Глава 4

Через мгновение дверь открылась, и в комнату скользнула Марси — та самая горничная. Она присела в реверансе, юбки зашелестели по полу.

Юля посмотрела на неё с улыбкой, а внутри у неё всё сжалось: лихорадочно начала вспоминать имя. Марта? Мари? Ах да...

— Марси, — сказала она вслух, старательно выравнивая голос, чтобы он звучал ровно и посвойски, как у настоящей госпожи, а не у девчонки, которая впервые в жизни пытается не выдать себя. — Помоги мне, пожалуйста, одеться.

Марси кивнула и подошла к шкафу. Распахнула дверцы — те скрипнули едва слышно. Достала пышное платье с множеством юбок, кружев и ленточек. А следом — бежевый корсет с костяными вставками и шнуровкой сзади.

Юля глянула на корсет и внутренне съжилась, будто уже чувствовала, как он стискивает рёбра.

«О господи... серьёзно? В двадцать первом веке мы боролись за свободу тела, а тут меня хотят зашнуровать, как посылку».

Но виду не подала. Лишь послушно подняла руки, позволяя себя раздеть и надеть корсет. Марси начала затягивать шнуровку. Раз. Два. Три. С каждым движением Юля чувствовала, как её рёбра начинают подавать тихие, но настойчивые сигналы протеста.

— Может, не так туго? — осторожно спросила она, стараясь, чтобы просьба звучала не как паника, а как лёгкая прихоть госпожи.

Марси на мгновение замерла, но тут же продолжила тянуть шнурок с той спокойной уверенностью, с которой люди делают то, что «так положено».

— Так положено, госпожа. Для осанки.

Юля сжала зубы и попыталась дышать — короткими, поверхностными вдохами, как будто стояла на краю обрыва и боялась сделать лишнее движение. «Как они носят этот корсет? Как они вообще в нём дышат? Может, у них лёгкие в два раза меньше?»

Кости впились в бока. Живот оказался втиснут куда-то вверх, будто его решили спрятать от посторонних глаз. Грудь, и без того невеликая, стала похожа на два аккуратных холмика на доске.

Марси закончила шнуровку, ловко завязала бантик и надела сверху платье — пышное, тяжёлое, с юбками, которые шуршали, как осенние листья под ногами. Юля послушно вертелась, поднимала и опускала руки, поворачивалась — словно кукла.

Пока Марси возилась с крючками и лентами, Юля думала о том, как в детстве смотрела мультики про принцесс и наряжала бумажных кукол в пышные платья. Как мечтала, что однажды у неё будет такое — длинное, красивое, с корсетом, чтобы юбка стояла колоколом, а она кружилась и чувствовала себя настоящей королевой. Тихо, одними губами, она прошептала:

— Сбылась мечта идиота.

Марси вдруг замерла и посмотрела на Юлю с лёгким недоумением.

— Вы что-то сказали, госпожа?

— Нет-нет. Ничего, — с милой улыбкой ответила Юля, стараясь, чтобы улыбка не выглядела как гримаса. — Где там мой завтрак?

Марси посмотрела на неё — то ли с удивлением, то ли с недоумением, то ли с чем-то средним, что Юля не могла расшифровать.

Заметив этот взгляд, Юля испуганно подумала:

«Сказала что-то не так. Надо было не где там, а как-то иначе. Блин. Юлиана, видимо, вообще не интересовалась завтраком. Или интересовалась, но другими словами. А я опять всё испортила».

Марси опустила глаза и сделала книксен.

— Я сейчас всё принесу, госпожа, — проговорила она и, развернувшись, поспешно вышла.

Юля осталась одна. Сделала осторожный вдох — корсет тут же напомнил, что дышать полной грудью теперь непозволительная роскошь.

— Да, — тихо сказала она в пустоту комнаты, будто та могла её понять. — Надо быть поосторожней со словами. Юлиана, видимо, была совсем другой. Как же мне себя вести, а? Кот ещё этот пропал куда-то...

Вдруг сзади, буквально из-за спины, раздался спокойный, чуть ленивый голос:

— Я не пропал. Я здесь.

От неожиданности Юля подпрыгнула и резко обернулась. Корсет противно упёрся в рёбра, будто наказывая за резкие движения.

На подоконнике, свернувшись калачиком и выглядя так, будто он провёл там всю жизнь, сидел Феликс и умывался.

— Ты... — выдохнула Юля, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. — Ты не мог бы не подкрадываться?

Кот перестал умываться, поднял голову и посмотрел на неё с выражением, которое можно было расшифровать как «Я не подкрадываюсь. Я материализуюсь».

— Я не подкрадывался, — возразил он невозмутимо. — Я сидел. Ты просто не смотрела. Закрыв глаза, Юля мысленно досчитала до трёх, чтобы не сорваться.

— Ладно. Феликс, мне нужна инструкция. Как вести себя, чтобы никто не понял, что я — не я. Что говорят местные за завтраком? Какую вилку берут сначала? И вообще...

Кот лениво моргнул.

— Для начала успокойся. И перестань так часто дышать. Или хотя бы делай это тише. Ты сейчас похожа на загнанную лошадь, которой зачем-то надели корсет.

— Я не могу дышать тише, — зашипела Юля, стараясь не повышать голос, чтобы не выглядеть сумасшедшей даже наедине с котом. — Твой корсет меня душит.

— Не мой, — спокойно ответил Феликс. — Твой. Привыкай. В этом мире терпят и не такое.

Он зевнул, показав маленькие острые зубки, и потянулся, будто хотел сказать: «Мир большой, а ты маленькая».

— А теперь сядь. Чай и булочки принесут — поешь. А я пока подумаю, с чего начать объяснения. И перестань паниковать. Паника — это роскошь, которую ты сейчас не можешь себе позволить.

Юля посмотрела на него. Потом на своё отражение в зеркале — рыжеволосая незнакомка в пышном платье и убийственном корсете.

— Ладно, — сказала она, делая крошечный вдох, который больше походил на сдавленный стон. — Не паниковать. Поесть. Потом разберёмся.

Кот довольно прищурился, будто именно этого и добивался.

— Вот так-то лучше.

В этот момент дверь снова открылась, и в комнату вошла Марси с подносом — большим, деревянным, украшенным тонкой резьбой. Поставила его на столик у окна. На подносе — блюдо с румяными булочками, в высоком стакане что-то желтоватое и густое — гоголь-моголь, и маленький чайник, расписанный цветами.

Марси выпрямилась и поправила передник, словно хотела этим движением вернуть себе уверенность.

— Не угодно ли госпоже, чтобы я сделала ей причёску? — спросила она, глядя на длинные рыжие волосы.

Юля провела рукой по новым волосам — тяжёлым и непривычно длинным.

— Нет, спасибо. Если что-то понадобится, мы с котом тебя позовём.

Затем повернулась к подоконнику и обратилась к коту:

— Правда, Феликс?

Феликс поднял голову, посмотрел на Марси и издал короткое:

— Мяу.

Юля замерла.

«Какого хрена? Почему кот молчит? Почему не отвечает?»

Она смотрела на кота. Кот смотрел на неё с невозмутимой мордой. Марси тоже смотрела — но уже на Юлю. Удивлённо. Растерянно. Не понимая, о чём говорит госпожа.

Юля быстро перевела взгляд на Марси, натянула улыбку и засмеялась — чуть громче, чем нужно, чуть бодрее, чем естественно.

— Я пошутила. Так, маленькая глупая шутка. Сама не знаю, зачем ляпнула. Голова после обморока... ну, вы понимаете. Марси улыбнулась в ответ — вежливо, но чуть растерянно. Сделала реверанс.

— Конечно, госпожа. Отдыхайте. Если понадобится — дёрнете за колокольчик.

На выходе, уже взявшись за ручку, она мельком оглянулась, бросив быстрый взгляд на Юлю, который говорил: «Что-то с ней не так. Совсем не так».

Юля подождала несколько секунд, пока стихнут шаги в коридоре. Потом резко повернулась к подоконнику.

— Ты чё прикалываешься?! — прошипела она, стараясь не кричать, но голос всё равно дрожал от напряжения. — Почему не ответил? Я выглядела как сумасшедшая! Феликс спокойно смотрел на неё, медленно моргая.

— Потому что кроме тебя меня никто не понимает и не слышит. Я — твой фамилляр. Только твой.

Юля открыла рот, потом закрыла, словно пыталась поймать слова, которые ускользали.

— То есть... я одна тебя слышу?

— Одна.— А остальные слышат просто мяуканье?

— Именно.

Юля резко упала на кровать, забыв про корсет, который тут же напомнил о себе и больно упёрся в рёбра.

— И ты мне раньше не мог сказать? — простонала она, закрывая лицо руками.

— А ты не спрашивала, — остался невозмутим Феликс. — И потом, ты была занята. Титьки. Попа. Булочки.

Юля закрыла лицо руками плотнее, будто хотела спрятаться не только от кота, но и от самой себя.

— Господи...

Кот встал, потянулся, выгибая спину дугой, и прыгнул с подоконника. Подошёл к столу с завтраком, сел рядом и уставился на булочки так, будто они были ключом к спасению мира.

— Если будешь продолжать со мной разговаривать при других, — сказал он спокойно, без насмешки, но с той интонацией, которая заставляет прислушаться, — тебя реально сочтут сумасшедшей. Будешь беседовать с котом, который мяукает в ответ. И все будут кивать и думать: «Бедная Юлиана. Совсем рехнулась».

Юля отняла руки от лица и посмотрела на него с усталым смирением.

— Ты издеваешься?

— Нисколько. Я предупреждаю, — Феликс сел, заворачивая хвост вокруг лап, и стал похож на маленького, но очень серьёзного советника. — Правило номер один: при посторонних я — просто кот. Ты меня не слышишь. Я мяукаю. Вопросы и ответы — когда мы одни. Поняла?

Юля выдохнула, и этот выдох получился таким тихим и долгим, будто из неё выходила вся паника, накопившаяся за последние часы.

— Поняла, — сказала она устало. — Не разговаривать с котом при людях. Иначе — дурка.

— Именно, — коротко кивнул Феликс. — А теперь давай завтракать. Ты, между прочим, с того раза ещё не ела. Булочки стынут.

Юля посмотрела на него. Потом на столик с едой. Потом снова на кота.

— Ладно, — сказала она, поднимаясь с кровати так осторожно, будто любое резкое движение могло сломать её пополам. — Завтракать так завтракать.

Затем села за стол и взяла булочку. Тёплую, мягкую, с золотистой корочкой. Феликс запрыгнул на соседний стул и стал внимательно следить за каждым её движением, будто собирался писать отчёт о её завтраке.

— И не забудь про гоголь-моголь, — напомнил он. — Полезно для горла.

Юля взяла стакан и сделала глоток. Глаза округлились, а на лице проступило искреннее удивление.

— О, это вкусно.

— Я знаю, — скромно ответил кот, будто это он лично взбивал яйца с сахаром и молоком.

— И полезно.

Юля посмотрела на него и впервые за всё это время почти улыбнулась. По-настоящему.

— Феликс?

— М?— Ты хоть иногда бываешь серьёзным?

Кот посмотрел на неё долгим взглядом, в котором читалось: «Я всегда серьёзен. Просто у меня специфическое чувство юмора».

— Когда нужно — да. А сейчас ешь. Потом поговорим о важном.

Юля вздохнула, откусила кусочек от булочки и подумала: «Второй шанс. Кот-говорун. Корсет-убийца. Что дальше? Дракон?» Феликс, словно прочитав её мысли, тихо мяукнул. По-кошачьи. По-обычному. Но Юля точно знала — это был смешок.

Глава 5

После завтрака Феликс рассказал Юле, кто есть кто в доме. Женщина с тёмными волосами, которая приходила утром, оказалась её близкой подругой — Клавдией. Она управляла домом, помогала Юлиане по хозяйству.

Потом он перечислил ещё нескольких девушек — одних помоложе, других постарше. У каждой имелось своё дело. Но почему-то Феликс всё время не договаривал, что это за дом и какую роль играла в нём сама Юлиана. Кот словно ходил вокруг да около, будто боялся, что если скажет прямо, Юля тут же выпрыгнет в окно — и не ради побега, а от шока.

— А садовник у меня есть? — спросила Юля, пытаясь вытянуть хоть крупицу нормальной информации.

— Есть, — буркнул Феликс.

— И кучер?

— И кучер.

— А карета?

— Собственная, — выдавил кот.

Юля оживилась, начала щебетать о балах, танцах, о том, как познакомиться с каким-нибудь красивым принцем и будет кружиться в вальсе, пока не закружится голова. Феликс сидел на подоконнике, смотрел на неё и думал про себя: «Ну вот, сейчас придётся разбивать мечты. А я ведь даже не люблю быть тем, кто говорит горькую правду. Для этого есть жизнь».

Когда Юля наконец закончила, Феликс вздохнул так тяжело, что даже пылинки в воздухе замерли от сочувствия.

— Спешу тебя огорчить. На балах ты присутствовать не будешь. Юля посмотрела с удивлением.

— Почему? — Тебя не приглашают в высшее общество.

Она открыла рот, чтобы выдать целую тираду, но спросить не успела — потому что Феликс вдруг сорвался с места и вылетел в коридор, будто его позвали на тайное кошачье совещание.

— Вот зараза, — сказала Юля в пустоту, глядя на опустевший подоконник. — На самом интересном месте вечно пропадает. Как будто у него график: три минуты полезной информации — и срочно надо куда-то бежать.

Подошла к зеркалу. Посмотрела на себя — рыжеволосую девушку в пышном платье, с зелёными глазами и острыми скулами.

— Но почему меня не приглашают в высшее общество? — спросила она своё отражение.

Отражение не ответило. Оно вообще выглядело так, будто знало больше, чем хотело выдавать.

Полюбовавшись собой ещё немного, Юля решила не ходить с распущенными волосами — в этом теле они казались ей слишком... заметными. Словно она не девушка, а ходячий сигнал бедствия: «Смотрите на меня, я здесь!» Заплела классическую косу — ту самую, которую носила в школе, когда у неё были длинные волосы. Получилось кривовато, но на первый раз сойдёт. Приведя себя в порядок, она вышла побродить по дому. И заодно поискать ответы — или хотя бы намёк на то, что вообще происходит.

Вдоль длинного коридора с высокими потолками и картинами на стенах тянулась череда дверей. Первая — Юля приоткрыла её, заглянула. Спальня. Постель застелена, на кровати лежал халат. Женский. Тёмно-синий с вышивкой. «Наверное, комната Клавдии», — подумала Юля и пошла дальше.

В самом конце коридора, прямо напротив лестницы, оказалась ещё одна дверь. Чуть массивнее остальных. Из-за неё доносились тихие шорохи. Юля постучала и зашла.

Кабинет. Большой, светлый, с тяжёлыми шкафами, забитыми книгами и папками. В центре — массивный стол. За столом сидела Клавдия. Перед ней лежали бумаги, она что-то помечала тонким пером, время от времени обмакивая его в чернильницу.

Увидев Юлю, Клавдия улыбнулась и поднялась.

— Дорогая моя, — сказала она, обходя стол. — Ты уже поправилась? Ходишь по дому.

Она остановилась напротив, взяла Юлю за руки, заглянула в глаза — так внимательно, будто пыталась прочесть в них все тайны мира.

— Наверное, пришла посмотреть бумаги?

Юля моргнула.

«Какие бумаги?» — пронеслось у неё в голове, а вслух она сказала аккуратно:

— Да... наверное. Не мешает.

Клавдия кивнула и повела её к столу. На столе лежала большая тетрадь с расчерченной в ней таблицей, разделённой на четыре столбца. Слова написаны на непонятном языке.

«Господи, как же я их прочитаю?» — подумала Юля.

Но когда она начала вглядываться, то поняла: отлично читает и всё понимает. В первой таблице — имена. Амалия, Марта, Берта, Барбара — и ещё несколько. Во второй колонке — время прихода. В третьей — время окончания. В четвёртой — сумма.

Юля ничего не поняла. Приходы, расходы? Не похоже на обычную бухгалтерию. Она перевернула страницу. На второй странице — снова таблица. Но здесь уже мужские имена и цифры. Юля села за стол, полистала дальше. Единственное, что она уловила: цифры становились меньше.

Она нахмурилась. Посмотрела на Клавдию. Та стояла рядом, молчала и с лёгкой улыбкой наблюдала — будто ждала, когда Юля сама до всего додумается.

— Что это? — спросила Юля, показывая на тетрадь.

Клавдия удивилась.

— Ты спрашиваешь? Это же твои записи.

Юля уже начала судорожно придумывать ответ, как вдруг в дверь постучали.

Вошла Марси. Сделала реверанс.

— Приехал доктор Берт.

Клавдия всплеснула руками.

— О, слава богу! Пусть поднимается в комнату Юлианы.

Она повернулась к Юлианне:

— Дорогая, тебе нужно пойти в комнату. Доктор осмотрит тебя.

Юля сначала махнула рукой:

— Да ничего не нужно, я себя прекрасно чувствую.

Но потом подумала: «Доктор — это источник информации. И возможность узаконить потерю памяти».

Она встала из-за стола. Клавдия хотела пойти за ней, но Юля обернулась: — Занимайся записями. Я сама.

Та кивнула и осталась.

Юля вышла в коридор и направилась в свою спальню.

Доктор Берт оказался пожилым мужчиной лет шестидесяти. Седая бородка аккуратно подстрижена, волосы зачёсаны назад. Тёмно-синий сюртук, жилет в мелкую полоску, белая рубашка с высоким воротником. Туфли начищены до блеска — так, что в них можно было разглядеть собственное отражение, если наклониться.

Он возился с саквояжем, раскрытым на столике. Доставал пузырьки с микстурами, потом трубку для прослушивания дыхания.

Заметив Юлианну, выпрямился. Поправил пенсне одним пальцем — стёкла блеснули, будто подмигнули.

— Как чувствует себя госпожа Юлиана? — спросил он спокойным профессиональным голосом.

— Жаловаться вроде не на что, — сказала Юля, садясь на стул, который он придвинул. — Но раз вы приехали... может, расскажете, что со мной было? Говорят, я подавилась и чуть не умерла.

Доктор Берт на мгновение замер. Потом кашлянул.

— Да-да, конечно... Сейчас послушаем...

Он приложил трубку к её груди. Послушал дыхание. Потом сердце. Попросил открыть рот — заглянул в горло. Попросил покашлять. После всех процедур сел, посмотрел ей в лицо.

— Как ваше общее состояние? Что можете описать?

Юля подумала.

— Вы знаете, доктор, со мной что-то странное. Я ничего не помню.

Он удивился.

— В каком смысле?

— Я сейчас зашла в кабинет, мне показали мои записи. А я не помню, чтобы я их писала.

— Юля сделала паузу. — Может, я ударились головой, когда упала? Почему я ничего не помню?

Доктор снял пенсне. Помассировал переносицу, будто пытался стереть оттуда все лишние мысли.

— Интересно...

Снова надел пенсне.

— Подскажите, мадемуазель, когда вы упали — вы не чувствовали, ударились или нет? Юля посмотрела на него прямо.

— Я вообще не помню, как упала. Очнулась, когда уже была на полу. Горло сильно болело. Потом снова потеряла сознание. — Она сделала паузу. — Скажите, доктор, могла ли я от удара потерять память?

Доктор Берт помолчал. Потом медленно кивнул.

— Теоретически... да. Сильный удар головой мог привести к потере памяти. Но...

— Что «но»?

— Вы очень спокойно об этом говорите, мадемуазель. Обычно пациенты в такой ситуации паникуют. А вы...

— А я что?

— Вы выглядите так, будто вас это скорее забавляет, чем пугает.

Юля улыбнулась.

— Паника не поможет, правда? Лучше спокойно разобраться.

Доктор посмотрел на неё долгим взглядом, в котором читалось: «Я лечу людей уже сорок лет, но такую реакцию вижу впервые».

— Я оставлю вам успокоительное. Память может вернуться сама. А может, и нет. Время покажет.

— Спасибо, доктор.

Он собрал саквояж, поклонился.

— Если будут изменения — сразу звоните. Я живу неподалёку.

Дверь закрылась.

Юля осталась одна. Села на кровать, откинулась на подушки — насколько позволял корсет — и посмотрела в потолок.

Феликс, который незаметно вернулся и сидел на подоконнике, издал тихое «мяу». Юля посмотрела на него и подмигнула.

— Всё идёт по плану, — сказала она шёпотом. — Теперь главное — не переиграть.

— Главное, — пробурчал Феликс, не глядя на неё, — чтобы твой план не включал в себя ещё один бал. Я не хочу объяснять тебе в третий раз, почему это плохая идея. — А если я просто

посмотрю из окна? — прошептала Юля.— Даже из окна не смотри. Ты начнёшь вздыхать, потом мечтать, потом планировать побег на бал в корзине для белья. Я тебя знаю.

— Я себя ещё не знаю, — возразила Юля.

— Зато я тебя знаю, — спокойно ответил Феликс. — И этого достаточно.

Юля вздохнула, но в этом вздохе уже не было паники — только лёгкая усталость и крошечное чувство, что, возможно, она не совсем одна в этом странном мире.

Глава 6

Проводив доктора Берта, Юля подошла к зеркалу.

— Ну что ж, — сказала она себе, расправляя плечи. — Теперь ты не Юля. Ты Юлиана. Значит, будем привыкать.

Задумалась на секунду. Потом её лицо медленно расплылось в улыбке, в которой смешивались упрямство, азарт и капля безумия.

— Теперь нужно разобраться, что там в тетради. Но самое главное... — она подмигнула отражению, — я всётаки хочу устроить пышный бал.

И в этот момент — на долю секунды — ей показалось, что отражение подмигнуло в ответ. Юля моргнула. Отражение моргнуло самым обычным образом.

«Показалось», — решила она, но где-то в глубине души мелькнула мысль: «А вдруг и не показалось? В этом мире вообще хоть что-нибудь обычное бывает?»

Развернулась и пошла в кабинет. Клавдия сидела за столом и занималась списками — теми самыми, с именами и цифрами. Перо шуршало по бумаге.

Юля подошла, встала прямо перед столом и выпалила:

— Нам обязательно нужно устроить бал.

Клавдия подняла голову. Посмотрела на Юлю так, словно у той выросли уши — как у слона, только рыжие и с бантиком. С таким неподдельным удивлением, что Юля даже забеспокоилась: не слишком ли она перегнула палку?

— Что ты так смотришь? — нахмурилась Юля. — Я что-то необычное сказала?

Клавдия поспешно поднялась, подошла, взяла её за руки. Пальцы у неё были тёплые, чуть шершавые от чернил и бумаги, и в этом было что-то успокаивающее.

— Юлиана, дорогая, — проговорила она мягко, но твёрдо, как говорят с ребёнком, который собрался бежать босиком по льду. — Ты же знаешь — мы не устраиваем балов в нашем положении.

Юля задумалась. В голове крутилось это «в нашем положении», и оно звучало как приговор. Перевернула взгляд на Клавдию.

— А в каком мы положении? Руки, ноги — всё на месте. Дом не бедный. Я не понимаю.

Клавдия молча посмотрела на подругу. В её взгляде было столько сочувствия, что Юле стало не по себе. Потом, видимо, решила сменить тему — или просто дать себе ещё немного времени, чтобы подобрать слова.

— Как прошёл осмотр? Что сказал доктор?

Юля выдохнула. И тут впервые — по-настоящему — воспользовалась шансом.

— Он сказал, что после удара я могла потерять память. И не знает, вернётся ли.

Клавдия на мгновение замерла. Потом с облегчением выдохнула — так сильно, что Юля это заметила. Словно с её плеч свалился тяжёлый мешок, который она носила неделями.

— Значит, ты совсем не помнишь, — мягко сказала Клавдия. — Дело в том, что... ты хозяйка доходного дома. А по правилам мы не имеем права появляться в приличном обществе.

Юля замерла. Мир на секунду будто замер вместе с ней, а потом начал медленно вращаться в обратную сторону.

— Что значит — хозяйка доходного дома? — проговорила она.

Клавдия снисходительно улыбнулась.

— Милая моя, ты не помнишь. Твоя матушка открыла этот дом. После её смерти ты унаследовала его. Пока ты болела, я управляла. Но это всё твоё.

Юля молчала. Потом медленно встала, будто ноги вдруг стали чужими. Направилась к себе. Зашла в спальню. Села на край кровати. И тут почувствовала — сбоку кто-то сел. Кровать

чуть качнулась. Феликс сидел и смотрел на неё. Как будто знал, что иногда самое важное — это просто сидеть и молчать.

Постепенно к Юле начала возвращаться способность соображать. Мысли зашевелились, как сонные мухи. Она медленно повернула голову к коту.

— Доходный дом, — сказала она не своим голосом. — Ты знал?

Кот спокойно моргнул.

— Знал.

— И не сказал?

— Ты не спрашивала.

Юля закрыла глаза.

— Я сейчас закричу.

— Не советую, — Феликс даже не шевельнулся. — Прибегут служанки, вызовут доктора, начнут отпаивать валерьянкой. Будут шептаться, что у госпожи Юлианы поехала крыша. А потом ещё и запишут в тетрадь отдельной строкой: «Госпожа кричала без причины. Минус два серебряных за нервные капли».

Юля открыла глаза.

— Доходный дом, — повторила она. — Это же... это...

— Вот так, — невозмутимо ответил Феликс. — Ты хозяйка. Теперь решать тебе.

Юля помолчала. Потом спросила, и голос прозвучал на удивление спокойно:

— Какой сейчас год?

Феликс посмотрел на неё с опаской, как смотрят на человека, который собирается прыгнуть с крыши, потому что ему интересно, как это — летать.

— Тысяча семьсот семьдесят девятый. От Рождества Христова.

Юля задумалась.

— Так... восемнадцатый век. Понятно.

Она замолчала. Начала вспоминать уроки истории, обрывки фраз из книг, кадры из фильмов. В голове щёлкали шестерёнки.

«Как там относились к куртизанкам?»

И тут её накрыло. Всё встало на свои места, как детали пазла, которые наконецто совпали.

Восемнадцатый век. Европа. Куртизанки — не уличные девки. Элитные. Дорогие. Умные. Играют на музыкальных инструментах, пишут стихи. Но в приличное общество — ноль. Никак. Никогда. Балы, рауты, дворянские гостиные — закрыты навсегда. Потому что они не «те» женщины. Даже если богаче половины аристократок. Мужчины ходят к ним с удовольствием. Жёны этих мужчин ненавидят и презирают. Церковь осуждает, но закрывает глаза, пока куртизанка не лезет в высший свет. И даже если она хозяйка собственного доходного дома — как сама Юлиана — это ничего не меняет. Деньги есть. Уважения — ноль.

Юля медленно перевела взгляд на Феликса.

— Куртизанка, — сказала она глухо. — Я — куртизанка. Хозяйка доходного дома — это же... это... приличным словом это называется публичный дом. Так?

Феликс молчал.

— Так? — повторила Юля громче, будто хотела, чтобы тишина в комнате не смела прятать правду.

— Так, — тихо сказал кот.

Юля закрыла лицо руками.

— Господи Иисусе, — простонала она. — Я попала в тело хозяйки борделя. В восемнадцатом веке. Где куртизанок в приличное общество не пускают. А я так хотела на бал...

Она отняла руки и посмотрела в потолок, будто там могла быть инструкция: «Что делать, если ты случайно стала хозяйкой доходного дома».

— Мечты идиотки сбываются. Но всегда не так, как хочется.

Феликс осторожно спросил:

— Ты как?

Юля посмотрела на него.

— Как? — переспросила она. — Я — хозяйка борделя. У меня есть котговорун. Корсет, который не даёт дышать. И куча записей, которые я ни фигя не понимаю. А ещё меня не приглашают на балы.

Она встала, расправила плечи — и на этот раз корсет сдался первым.

— Ладно. Раз выяснили, кто я... теперь нужно понять, что делать с этим счастьем.

Феликс моргнул.

— Ты не собираешься плакать?

— А смысл? — Юля пожала плечами. — Слезами горю не поможешь. Тем более... — она хитро прищурилась, и в её глазах вспыхнул тот самый огонёк, который появляется у людей, когда они решают превратить катастрофу в приключение, — хозяйка борделя — это женщина при власти. Главное — не перегибать палку.

Подошла к зеркалу. Посмотрела на рыжеволосую девушку в пышном платье.

— Ну что ж, мадам Юлиана, — сказала Юля, будто произносила клятву. — Будем осваивать профессию.

Феликс фыркнул. В этом фыркание было столько скепсиса, что его хватило бы на десяток котов.

— Ты нереально странная.

— Спасибо, — ответила Юля, не оборачиваясь. — Комплимент от котаворуна — дорогого стоит.

Глава 7

В дверь постучали, и в комнату заглянула Клавдия.

— Юлиана, с тобой всё в порядке? Ты так поспешно ушла. Я шокировала тебя, да?

Юля встала с кровати, подошла к ней, взяла за руки. Пальцы у Клавдии были чуть прохладные, но в них чувствовалась надёжность — будто она могла удержать на этих руках весь дом, если понадобится.

— Немного, — призналась Юля. — Но я уже прихожу в себя.

Пауза повисла в воздухе, как тяжёлая штора.

— Я хочу подробнее изучить тетради. Посмотреть на девушек. И прежде всего — счета.

Клавдия кивнула, и они вместе пошли в кабинет. Юля села за стол и углубилась в бумаги. Дела обстояли... не очень. Сначала была неплохая прибыль — цифры радовали глаз, как яркие огоньки на ёлке. Но в какойто момент всё пошло в упадок. Доходы упали, расходы остались прежними. Денег едва хватало — впритык. Приходилось экономить. Но был и отдельный счёт — неплохая сумма. Отложено, видимо, на чёрный день.

Юля изучила всё, строчку за строчкой, цифру за цифрой. Потом откинулась на спинку стула, и та скрипнула, будто тоже устала от невесёлых новостей.

— Вечером собери всех в главном зале. Я хочу познакомиться с девочками заново.

Клавдия внимательно посмотрела на неё и кивнула.

— Хорошо, дорогая.

Обняла подругу и ушла, оставив после себя лёгкий запах лаванды и ощущение, что мир не рухнул — просто его нужно собрать заново, деталь за деталью. Юля осталась одна. Посидела над бумагами, глядя на ровные столбцы цифр. Потом тихо сказала — скорее себе, чем комуто:

— Ну что ж... вечером знакомство с коллективом. Надеюсь, не облажаюсь.

Феликс, устроившийся на подоконнике, издал короткое «мяу».

— Поддерживаю, — перевела Юля. — Спасибо, Феликс. Очень помог.

Кот отвернулся и начал умываться с таким видом, будто это самое важное дело в мире, а все эти собрания и бюджеты могут подождать.

— Ты хоть краем уха слушай, ладно? — пробурчала Юля, не столько ему, сколько тишине. — Вдруг пригодится.

Феликс сделал вид, что не услышал.

К вечеру на Юле было самое строгое платье — тёмнозелёное, без лишних кружев, с высокой горловиной и длинными рукавами. Никаких декольте, никаких ленточек. Она решила: раз она хозяйка, нужно выглядеть подобающе. Внушать уважение. А не провоцировать.

Она пригласила Марси — помочь с корсетом и причёской. Марси, кажется, удивилась — видимо, прежняя Юлиана не была такой требовательной к своему виду. Но послушно затянула шнуровку (чуть слабее, чем в прошлый раз, — Юля специально попросила) и принялась за волосы. Марси уложила их в высокую сложную конструкцию, закрепила шпильками, оставив пару локонов у лица — так, чтобы они выглядели не как небрежность, а как продуманная деталь.

— Вы прекрасно выглядите, госпожа, — тихо сказала она.

В дверь постучали. Вошла Клавдия. Остановилась на пороге, окинула Юлю взглядом — и брови поползли вверх.

— Дорогая... — протянула она. — Ты выглядишь... величественно.

Юля усмехнулась.

— Хозяйка дома должна выглядеть как хозяйка, правильно?

Клавдия медленно кивнула.

— Думаю, девочки будут удивлены.

— Это хорошо, — ответила Юля. — Пусть привыкают. Все собрались?

Клавдия кивнула.

— Ждут в главном зале.

Юля глубоко вздохнула (насколько позволял корсет — получилось скорее короткое «ох», чем полноценный вдох) и шагнула к двери.

— Тогда пошли.

Пока они шли по коридору, Юля смотрела на Клавдию — на её прямую спину, уверенную походку. Она почти полюбила эту женщину. И именно женщину, потому что Клавдия была старше — лет на пять, не меньше. В её густых чёрных волосах коегде проглядывала седина — тонкие серебряные нити, которые делали лицо ещё выразительнее.

«Интересно, сколько ей на самом деле? — подумала Юля. — Тридцать пять? Тридцать семь? Держится молодцом. И заботливая. Почти как мать...»

— Ты чего задумалась? — обернулась Клавдия.

— Да так, — улыбнулась Юля. — Просто... спасибо тебе. За всё.

Клавдия удивлённо подняла бровь, будто благодарность была чемто непривычным, почти неловким. Но ничего не сказала. Только сжала её руку чуть крепче и повела дальше. Они подошли к высоким дверям главного зала. Оттуда доносились тихие голоса. Юля остановилась, поправила юбку, глубоко вздохнула.

— Ну с богом, — сказала она и кивнула Клавдии.

Двери открылись.

Гостиная оказалась большой, но не сказать чтобы богатой. Высокие потолки с лепниной — когда-то красивой, но местами потрескавшейся, как старая кожа. Тяжёлые портьеры на окнах — тёмнобордовые, чуть выцветшие. Паркет натёрт до смутного блеска. Мебель добротная, но старомодная. Диваны и кресла с высокими спинками, обтянутые вытертым бархатом. В центре — большой овальный стол. На стене — зеркало в массивной раме, немного тёмное, будто с патиной. Камин. Большой, мраморный, вычищенный. Над ним — часы с кукушкой, какие Юля видела только в старых фильмах. Кукушка молчала — то ли время не пришло, то ли сломалась. Люстра на потолке — хрустальная, с подвесками, но без половины свечей. Оплывшие, недогоревшие. По стенам — бра с закопчёнными стёклами. В углу — столик с графином и стаканами. Рядом — этажерка с книгами, заставленная так плотно, что казалось, они вотвот вывалятся. Запах — тяжёлый, сладковатый. Смесь духов, воска и старого дерева. И чутьчуть дыма из камина, хотя огня не было. Уютно. Но с налётом «бывало и лучше».

Посередине комнаты, чуть смущённо переминаясь, стояли девушки. Юля заметила — они разные. Кто-то смотрел прямо, кто-то прятал глаза, кто-то нервно теребил край рукава. Она встала так, чтобы её было хорошо видно и слышно. Голос прозвучал твёрже, чем она ожидала.

— Девушки, возможно, вы помните: на днях я чуть не встретила с создателем. К счастью, всё обошлось. Но когда я упала, я ударила головой и потеряла память.

Девушки зашептались. Мужчины в глубине зала переглянулись. Пожилой садовник в углу перекрестился. Только сейчас Юля заметила, что в комнате есть ещё двое мужчин и девушка в костюме горничной — наверное, прислуга Клавдии.

Юля дождалась, когда шёпот стихнет.

— Я хочу познакомиться с каждой из вас. По очереди. В моём кабинете.

Пауза легла на комнату, как тяжёлый плащ.

— Благодарю всех за уделённое время, — сказала Юля. Её взгляд остановился на двух одинаковых лицах в первом ряду. — Близняшки, пойдёте первыми.

Все переглянулись. Тишина в гостиной стала другой. Не испуганной. Внимательной. Потому что они заметили: Юлиана — тихая, скромная, безалаберная Юлиана, которая никогда не повышала голоса и боялась лишний раз вздохнуть при посторонних, — сейчас стояла перед

ними с прямой спиной, ясным взглядом и говорила так, будто всю жизнь только и делала, что командовала.

И Юля это тоже заметила. «Ничего, — подумала она. — Пусть привыкают. Я только начинаю».

Она кивнула близняшкам и направилась к выходу, не оборачиваясь. За спиной снова зашептались — но теперь в этих голосах было не столько удивление, сколько любопытство.

Когда они вышли в коридор, Феликс, неведь как оказавшийся тут, шмыгнул мимо и уселся на подоконнике в кабинете, будто заранее знал, где будет самое интересное.

— Ты что тут делаешь? — шёпотом спросила Юля, пока близняшки ещё не вошли.

— Наблюдаю за историей в процессе написания, — невозмутимо ответил кот. — Вдруг ты скажешь чтонибуть эпичное. Надо быть готовым.

— Спасибо за поддержку, — пробурчала Юля.

— Всегда пожалуйста, — Феликс зевнул, прикрыв пасть лапой. — Только не вздумай падать в обморок. У нас график.

Дверь открылась, и близняшки вошли. Юля глубоко вдохнула (насколько мог позволить корсет) и улыбнулась.

— Проходите, девочки. Расскажите мне о себе.

Глава 8

Как только Юля с близняшками покинула комнату, гостиная ожила. Пышечка — полненькая блондинка с задорным взглядом — первой не сдержалась. Хохотнула и кивнула в сторону двери.

— Ну и дела, — сказала она вполголоса. — Рыжая-то как изменилась. Раньше слова не добьёшься, а сейчас — командирша выискалась.

— Тсс, Марта! — шикнула на неё самая молодая, худенькая блондинка с большими голубыми глазами. — Не называй её так. Услышит.

Марта скрестила руки на груди.

— Не услышит. Она ушла. А если кто донесёт — повыдёргиваю все волосы. — Она обвела комнату тяжёлым взглядом. Спорить с ней никто не стал.

— Ладно, — подала голос девушка с тёмной кожей и чёрными кудрями. — Меня другое волнует. Что теперь будет? Эти изменения... повлияют на нашу жизнь? Девушки переглянулись. Кто-то пожал плечами, кто-то опустил глаза, кто-то задумался. Никто не знал.

А за дверью, в кабинете, Юля разговаривала с близняшками. Девушки сидели напротив и нервно выкручивали пальцы. Раньше они могли подшучивать над Юлианой — та лишь краснела и опускала глаза. Теперь они опасались её реакции. Юля рассматривала их. Обе — темненькие, с каштановыми волосами, пышными волнами спадающими на плечи. Обе — с большими карими глазами, в которых застыла настороженность. Обе — такие юные, что Юля подумала: «Совсем дети».

Она улыбнулась мягко, по-доброму. И отметила про себя: они её боятся.

— Меня не нужно бояться, — сказала она вслух. — Я не кусаюсь.

Девушки переглянулись, но промолчали.

— Как вас зовут? Сколько лет?

— Камилла, — тихо сказала одна.

— Астер, — чуть смелее произнесла вторая.

И почти хором:

— Нам по девятнадцати.

Юля мысленно усмехнулась. «Угадала».

— Расскажите о себе. Всё, что считаете нужным.

Астер набрала воздуха и начала — запинаясь, но потом пошла смелее. Камилла лишь изредка кивала.

— Мы из бедной семьи, — сказала Астер. — Работаем здесь с тринадцати лет. Юля внутренне похолодела.

— Мать умерла от тифа. Нам было по десять.

Юля представила двух десятилетних девчонок над могилой матери. У неё самой мать умерла, когда она была подростком, и это сломало её. А тут — десять.

— Отец любил выпить, — тихо добавила Камилла. — И продал нас мадам Жозет. За бочонок джина.

— Больше мы его не видели, — закончила Астер.

Юля смотрела на них. Чувствовала, как внутри поднимается что-то тёмное и тяжёлое. Не жалость. Злость. Тихая, глубокая злость на мир, где такое возможно. «В моё время за такое сажают. А тут... тут это просто строчка в тетради. Просто цифры в графе расходы».

— Спасибо, — сказала она ровно. — Можете идти. Передайте следующей, что я жду. Девушки вышли.

Юля выдохнула, взяла тетрадь.

Камилла, 19. Астер, 19. В доме с 13. Сироты. Проданы отцом.

Остановилась. Посмотрела на строки. Её передёрнуло.

— Чёртовы цифры, — пробормотала она. — Как будто это не люди, а... товар.

Феликс, который до этого притворялся частью шторы, высунул ухо, потом голову, потом и всего себя. Сел на краю стола и уставился на Юлю.

— Ты сейчас не начнёшь плакать, надеюсь? — спросил он буднично. — Потому что у меня тут ни платка нет, ни советов. Я кот, а не утешитель.

— Не начну, — буркнула Юля. — Просто... это всё так неправильно.

— В этом доме мало что правильно, — спокойно ответил Феликс. — Но люди здесь есть. И они живут. Так что давай дальше. Следующая.

Следующей вошла Назира. Кожа цвета тёмного шоколада, пышные чёрные кудри, которые прыгали при каждом движении. Держалась спокойно, с достоинством. Смотрела прямо.

— Меня зовут Назира. Мне двадцать лет.

— Расскажи, как оказалась здесь.

Назира задумалась на мгновение.

— В девятнадцать я влюбилась в моряка. Его корабль швартовался на нашем острове. Красивый, говорил красивые слова. Обещал жениться. Я поверила.

Она говорила ровно, почти без эмоций. Но Юля слышала боль — глубоко внутри, под слоем спокойствия.

— Я покинула родной дом и уплыла с ним. Сначала всё было хорошо, — она чуть прикрыла глаза, — я была счастлива. После недолгой паузы она продолжила: — Но вскоре он нашёл другую. Меня вышвырнул на улицу. Несколько месяцев я скиталась. Побиралась по домам и подворотням. Пока однажды я не пришла в дом мадам Жозет, — сказала Назира. — Ваша матушка была великодушна. Пустила. Разрешила месяц не работать — прийти в себя, поправить здоровье.

Она подняла глаза на Юлю.

— Я здесь почти год и благодарна этому дому.

Юля медленно выдохнула. — Спасибо, Назира. Можешь идти.

Назира кивнула и вышла — бесшумно, плавно, будто вода.

Юля написала: Назира, 20. Островитянка. Предал моряк. Почти год в доме мадам Жозет.

Она посмотрела на имя. Мать Юлианы. Женщина, которая купила двух девочек за бочонок джина. И она же пустила умирающую с улицы.

«Странная ты была, мадам Жозет, — подумала Юля. — Или просто... своя правда у тебя была».

Потом зашла Амалия. Белокурая девочка. Четырнадцать лет. Когда она назвала возраст, Юля поперхнулась и закашлялась. Пришлось прикрыть рот платком. — Простите, — просипела она. — Всё ещё горло болит.

Амалия смотрела большими зелёными глазами — смесь страха и надежды. Четырнадцать. Ребёнок.

Юля улыбнулась той мягкой, тёплой улыбкой, которую берегут для маленьких.

— Всё хорошо, милая. Рассказывай.

Амалия говорила тихо, быстро, почти шёпотом. Юля слушала и записывала. Когда девочка вышла, Юля закрыла лицо руками.

— Четырнадцать... Господи...

Феликс из-за шторы коротко мяукнул. Юля выпрямилась.

— Давай следующую.

Мими. Семнадцать лет. Внешность эльфа: острое личико, миндалевидные глаза, тонкие руки с длинными пальцами. Но когда Мими открыла рот, очарование рассеялось. Она говорила. Много. Быстро. Слова летели, перепрыгивали друг через друга, путались. Юля пыталась

записывать, но сдалась. Просто кивала. Когда Мими наконец вышла, в кабинете повисла блаженная тишина.

— Её очень много, — сказала Юля, опуская перо. — Прямо как ведро воды вылили на голову. И всё — без остановки.

Феликс мяукнул — согласился.

Следующей вошла Барбара. Юля подумала, что в её мире эту девушку звали бы Варвара. Барбара была худой. Настолько худой, что Юле при взгляде на неё становилось плохо. Кости проступали через кожу. Щёки ввалились. Руки — тонкие, как веточки. Юля почувствовала, как внутри поднимается животный ужас и одновременно — дикое, непреодолимое желание: усадить эту девушку на стул, связать, чтобы не сбежала, и запихать ей в рот сало, пироги, гусиную печёнку — всё, что есть в доме.

Юля сжала перо так, что побелели костяшки.

— Сколько тебе лет, Барбара?

— Семнадцать.

Семнадцать. Как Мими. Но какая разница...

Юля заставила себя улыбнуться. Задала обязательные вопросы. Записала ответы — коротко, механически. Когда Барбара вышла, Юля долго смотрела на закрытую дверь.

— Ей нужно есть, — проговорила она тихо.

— Тут многим нужно есть, — негромко ответил Феликс. — И не только есть.

Юля кивнула.

Последней зашла Марта. Полненькая блондинка, которая в гостиной грозила выдрать волосы тому, кто донесёт на неё Юлианне. Смотрела с вызовом. Руки скрещены на груди, взгляд — прямо в глаза говорил «Я не боюсь тебя».

Юля это оценила. Она откинулась на спинку стула и посмотрела на Марту с лёгкой улыбкой.

— Ну что ж, Марта. Рассказывай. Только покороче. Я уже устала слушать.

Марта чуть прищурилась, усмехнулась — и начала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.